

мѣнно видѣться и переговорить съ главнымъ посланцомъ; затѣмъ прошу, чтобы о нашемъ прибытіи тотчасъ было дано знать китайскому резиденту и отъ него привезено дозволеніе, или недозволеніе идти намъ въ Лхассу, а равно присланы письма и бумаги, которыя непременно должны быть получены изъ Пекина тѣмъ же амбанемъ на наше имя. Наконецъ, я заявилъ, что если черезъ два-три дня тибетскій посланникъ къ намъ не пріѣдетъ, то я самъ пойду къ нему въ Напчу для переговоровъ. Чиновники обѣщали исполнить мои желанія, но при этомъ умоляли, чтобы мы не двигались впередъ, такъ какъ, въ подобномъ случаѣ, имъ не избѣжать сильной кары по возвращеніи въ Лхассу.

Дѣйствительно, подобное наше движеніе, вѣроятно, было для тибетцевъ крайне нежелательно, такъ какъ черезъ день послѣ отъѣзда первыхъ вѣстовщиковъ, къ намъ явился самъ посланникъ со свитою. Немного ранѣе его пріѣзда, невдалекѣ отъ нашего стойбища, были приготовлены двѣ палатки, въ которыхъ прибывшіе переодѣлись и затѣмъ пришли къ намъ. Главный посланецъ, какъ еще ранѣе рекомендовали его намъ прибывшіе чиновники, былъ одинъ изъ важныхъ сановниковъ Тибета, быть можетъ, одинъ изъ четырехъ *калуновъ*, т. е. помощниковъ Номунъ-хана; узнать про это обстоятельство мы не могли. Имя этого сановника было *Чжигмедъ-Чойчжоръ*. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли намѣстники трехъ важныхъ кумирень и представители 13 аймаковъ собственно далай-ламскихъ владѣній.

Главный посланникъ былъ одѣтъ въ богатую соболью курму, мѣхомъ наружу; спутники же его имѣли платье попроще.

Послѣ обычнаго вопроса о здоровьи и благополучіи пути, посланникъ обратился къ намъ съ вопросомъ: русскіе ли мы или англичане? Получивъ утвердительный отвѣтъ на первое, тибетецъ повелъ длинную рѣчь о томъ, что русскіе никогда еще не были въ Лхассѣ, что съвернымъ путемъ сюда ходятъ только три народа—монголы, тангуты и китайцы, что мы иной вѣры, что, наконецъ, весь тибетскій народъ, тибетскій правитель Номунъ-ханъ и самъ Далай-лама не желаютъ пустить насъ къ себѣ. На это я отвѣчала, что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону божескому странниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего 13 человекъ, слѣдовательно мы никоимъ образомъ не можемъ быть опасны. На все это получился почти тотъ же самый отвѣтъ: о разной вѣрѣ, о трехъ